

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Юрген Торвальд

РАЗГРОМ НА ВОСТОКЕ

ПОРАЖЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

1944–1945

Юрген Торвальд

**Разгром на востоке. Поражение
фашистской Германии. 1944-1945**

«Центрполиграф»

Торвальд Ю.

Разгром на востоке. Поражение фашистской Германии. 1944-1945
/ Ю. Торвальд — «Центрполиграф»,

Книга посвящена событиям, которые непосредственно предшествовали краху фашистской Германии. В течение 1944 года немецкие войска терпели поражение за поражением на всех фронтах, но самое масштабное отступление происходило на востоке. Автор рассказывает о том, как в ходе Восточно-прусской операции советские войска, освободив свою страну от захватчиков, вступили на территорию врага. О позиции Гитлера, который не хотел верить реальным военным сводкам и своими нелепыми приказами и нежеланием начать переговоры о капитуляции лишил армию возможности сдаться, а гражданское население – спастись. Советская армия шла на Берлин, к окончательной победе, не щадя никого на своем пути. Уничтожив за годы войны бесчисленное множество людей, Гитлер в конце концов погубил и свою страну, обрек на невосполнимые потери свой народ...

© Торвальд Ю.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юрген Торвальд

Разгром на востоке. Поражение фашистской Германии. 1944-1945

Глава 1

«Фронт остается там, где он есть!»

Ночью 8 января 1945 г. поезд начальника Генерального штаба германской армии катился на запад из Цоссена, городка южнее Берлина, к городу Гисен в Гессене. Поступили сообщения о появлении формирований тяжелых британских бомбардировщиков над Руром и Центральной Германией. Более легкие самолеты сбрасывали бомбы на Берлин. Поезд, который останавливался и несколько раз совершал объезды, запаздывал. Но это давно перестало быть необычным.

Генерал Гейнц Гудериан спал. Ночник ронял тусклый свет на его большую голову, подчеркивая неправильные черты лица. Он снова ехал на совещание в штаб-квартиру фюрера. Эта встреча решала судьбу Восточного фронта, судьбу всей Восточной Германии. Гудериан хотел максимально сэкономить свои силы, но не находил мира в душе. Его ужасало намеченное на 12 января генеральное наступление русских на Восточном фронте.

Гудериан знал, какие огромные силы русские скопили для готовящегося нападения, — его начальник разведки на востоке, генерал Гелен, был квалифицированным и основательным человеком. И ситуация казалась тревожнее оттого, что советские армии теперь отделяли от немецкой территории лишь крохотные участки обширных областей, завоеванных три-четыре года назад. В Восточной Пруссии русские войска уже стояли на немецкой земле. И население восточнопрусских городов Неммерсдорфа и Голдапа, застигнутое неожиданным русским наступлением, переживало сильный страх перед будущим.

Генерал Гудериан стал начальником штаба почти случайно. Безусловно, он долго был членом Генерального штаба. Он был главным создателем германских бронетанковых войск и до 1941 г. командовал танковой армией в пекле сражений. Но в ходе Московской кампании зимой 1941/42 г. Гитлер внезапно его отстранил. Гудериан оставался не у дел до 1943 г., когда снова стал необходим, чтобы вдохнуть новую жизнь в германские танковые войска, которые истощились почти до предела. Его сделали главным инспектором бронетанковых войск. Затем наступило 20 июля 1944 г. с покушением на жизнь Гитлера. Гудериан стал новым начальником штаба, потому что человек, предназначенный для этой работы, заболел.

Немногие оставшиеся в живых после восстания 20 июля порицали Гудериана за то, что он принял свой пост в момент, когда генералы, чиновники, солдаты по оружию попадали под арест и их быстро и безжалостно казнили. Они не простили ему приказ, который он выпустил, пребывая на своем посту, относительно доли вины Генерального штаба в заговоре офицеров. Некоторые даже подозревали, что Гудериан принял этот пост из-за старого недовольства генералом Беком, который некогда был начальником штаба, а теперь стал предателем и который в более ранние дни выказал мало сочувствия революционным идеям Гудериана об использовании танковых войск. Но это подозрение не было оправданно.

Этот прямолинейный человек был убежден: восстание, предательство и тираноубийство неуместны, когда существует угроза безоговорочного подчинения и уничтожения. И верил, что такие моменты требуют сплочения и объединения сил против врага.

Как и большинство генералов, Гудериан не был политиком. Он думал, что работа солдата — это сражение, а работа политических деятелей — заканчивать войну, когда нет никакого

другого выхода. И начиная с деклараций Рузвельта и Черчилля в Касабланке он утвердился во мнении, что он, солдат, не имел никакой альтернативы, кроме как стоять перед врагом и бороться с ним, независимо от преступлений, совершенных Гитлером. Затем, во время злополучного декабрьского наступления в Арденнах, был захвачен вражеский документ относительно союзнического плана «Затмение». «Затмение» было преданным отражением того направления мысли по поводу обращения с Германией после победы союзников, которую представлял американский министр финансов Моргантау. Гудериан видел в этом документе проект полного разрушения немецкой нации.

Время от времени Гудериан задавался вопросом: примет ли он еще раз пост, если заранее известно о его сокрушительном бремени? Но было бесполезно задаваться вопросом. Он принял этот пост. Он бросился исполнять новые обязанности со всей своей значительной энергией и без особого размышления.

До того времени он имел мало опыта общения со штаб-квартирой фюрера или непосредственно с Гитлером. Он был уверен: конец неловкой стратегии Гитлера положит лишь его, Гудериана, упорная настойчивость и храбрость. И еще – откровенность. Возможно, он переоценил себя.

Гудериан многое узнал с тех пор. Он узнал штаб-квартиру фюрера. Он узнал то болото самообмана и мании величия, нехватку проницательности и ужасную некомпетентность, рабскую преданность и чрезвычайную отставку, личную злость и интригу – это болото, питаемое отказом Гитлера признавать собственные ошибки, его разъедающим недоверием к другим, ненавистью и свинцовым страхом перед концом, который Гитлер пробовал скрыть за экстравагантными обещаниями окончательной победы.

Гудериан имел упорство бульдога. Он был почти настойчиво откровенен. И его упрямство действительно вырвало у Гитлера много уступок с лета 1944 г. Но когда он оглядывался на общее количество дивидендов, оно казалось достаточно маленьким. В большинстве случаев вязкость болота одерживала победу.

В течение 1944 г. немецкие войска испытали ужас тяжелых отступлений.

На западе английские и американские войска вторжения произвели высадку на побережье Нормандии. После недель кровавой борьбы они прорвали линии немецкой обороны, пронеслись через Францию и Бельгию, обошли голландскую территорию и достигли германской границы.

В Италии союзнический фронт неуклонно продвигался на север. На севере опустошенные финны заключили перемирие с Советским Союзом. Немецкая альпийская армия отступила в Северную Норвегию, прокладывая себе путь на юг медленными сухопутными маршами.

И все же все эти поражения, отступления, катастрофы были несравнимы с отступлениями на востоке.

В начале июня 1944 г. Восточный фронт стоял на советской земле далеко за пределами немецких границ. Но всего несколько недель спустя вся структура зашаталась.

Начался этот процесс в секторе группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала Буша, линии фронта которого, глубоко выступая, растянулись больше чем на 700 километров от Ковеля через Пинск, Жлобин, Могилев, Оршу и Витебск до пункта северо-восточнее Полоцка. По этому фронту германские 2, 4 и 9-я армии и 3-я танковая армия, только с сорока дивизиями и всего двумя дивизиями в резерве, оказались перед ста пятьюдесятью пехотными дивизиями и семьюдесятью пятью бронетанковыми дивизиями русских.

Напрасно командующие группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге и позже его преемник – фельдмаршал Буш указывали снова и снова, что этот выпуклый фронт был стратегически слабым и буквально «приглашал» напасть на него. Напрасно оба военачальника требовали разрешения ликвидировать выпуклость, выправить линию фронта и таким образом получить резервы. Но Гитлер, в ужасе от постоянно растущего числа поражений, знал только

один вид «стратегии»: бить во всех направлениях. Он категорически отказал. Он не намеревался отступать с завоеванной земли.

22 июня 1944 г., после многочасового артиллерийского обстрела, советские войска начали летнее наступление. Русские бронетанковые колонны врезались в немецкие линии в Жлобине, Рогачеве, к северу и к югу от Витебска. Они ударили по левому флангу 4-й армии в тылу. Они докатились до Березины, захватили переправы и отрезали немецкое отступление. Большая часть 4-й армии и приблизительно половина 3-й танковой армии – почти триста тысяч человек – встретили смерть в дремучих, темных лесах к востоку от Минска. Все шесть дивизий были окружены под Бобруйском, Оршей и Витебском. Большинство взятых в плен немецких солдат и офицеров были уничтожены.

Фельдмаршал Буш был поспешно заменен фельдмаршалом Моделем, человеком симпатичным Гитлеру, способным в чрезмерном чувстве собственного достоинства нетерпеливо вступить в азартную игру, честолюбивым и, следовательно, хорошим исполнителем приказов Гитлера. Дивизии начали катиться на север от Румынского фронта, который в это время стоял в тишине, вводящей в заблуждение. Большинство из них пришли слишком поздно. 5 июля русские взяли Молодечно, 8 июля – Барановичи. Затем они сделали паузу, чтобы перегруппировать свои ряды, и фельдмаршал Модель преуспел в том, что образовал недолгий, шаткий фронт по линии Ковель – Пинск – Лида – Вильно.

Даже Модель теперь не видел другого выбора, кроме как отвести группу армий «Север», чтобы получить свежие войска. После краха группы армий «Центр» «Север» сформировал обширный плацдарм в Балтийских странах – Латвии и Эстонии. Южный фланг группы армий «Север» должен был быть расширен, чтобы поддержать контакт с отступающими остатками группы армий «Центр». Много дивизий могли быть высвобождены, если бы группа армий «Север» была отведена к югу от реки Двины. Гитлер отказался пойти на это, продолжая держаться за каждый метр завоеванной земли. Новое наступление русских развернулось 14 июля. Немцы, приложив отчаянные усилия, преуспели только в том, чтобы удержать Варшаву. Но дальше на севере русские первой атакой форсировали реку Неман и пронеслись вперед к границам Восточной Пруссии.

Гудериан заснул вновь, но это только вернуло ему беспокоящий танец мучительных сновидений, которые преследовали его так долго. Он услышал собственный голос, многократно повторяющий быстрые, взволнованные слова: «Русские – у ворот Восточной Пруссии. В любой день они могут достигнуть моря. Они могут отрезать группу армий «Север». Тогда группа армий «Север» будет распылена впустую. Мы нуждаемся в тридцати ее дивизиях в Восточной Пруссии. Мы нуждаемся в них на Нареве. Мы нуждаемся в них на Висле. Мы нуждаемся в них, чтобы защитить нашу землю!» Затем появилось лицо Гитлера, смертельно бледное за зелеными очками, и его рот, повторяющий: «Нет, это исключено! Группа армий «Север» сражается там, где она есть. Немецкий солдат не сдает и метра земли. Нет, это исключено! Группа армий «Север» сражается там, где она есть...»

Сны Гудериана кружились, бесконечно повторяясь...

Июль – август 1944 г.: русские в Восточной Пруссии. Тонкая немецкая линия фронта все еще держится. Группа армий «Север» в Латвии и Эстонии пока сохранена. Отчаянная борьба с Гитлером, чтобы доставить триста тысяч человек на юг для защиты Восточной Германии. Ответ Гитлера: «Нет!» Первый русский прорыв к Балтийскому морю отрежет группу армий «Север». Контакт вновь установлен.

2 сентября: Финляндия заключает мир.

18–27 сентября: группа армий «Север», вытесненная из Эстонии, отступает в Латвию. Новое предложение передислоцировать ее к Восточной Пруссии. Ответ Гитлера: «Нет!»

9 октября: русские прорываются к Балтийскому морю: к северу и к югу от Мемеля. Группа армий «Север» отрезана окончательно. Запрос: позволить группе армий «Север» под-

готовить прорыв к Восточной Пруссии, пока русские в Мемеле все еще слабы. Ответ Гитлера: «Нет!»

16 октября: массивное русское нападение на Восточную Пруссию. Генерал Хоссбах сопротивляется с полуреорганизованными остатками 4-й армии, большая часть которой была перемолота под Витебском. Четыре шатких немецких армейских корпуса выступают против пяти советских армий. Новый запрос: позволить группе армий «Север», все еще невредимой, прорваться к Восточной Пруссии. Ответ Гитлера: «Нет!»

22 октября: русские вторгаются в Восточную Пруссию, захватывают Голдап и Неммерсдорф.

25 октября: 4-я армия останавливает русских в отчаянной борьбе. Новый русский прорыв с севера угрожает потерей Восточной Пруссии. Запрос: отвести группу армий «Север». Гитлер: «Нет! Группа армий «Север» сражается там, где она есть...»

27 октября: решительное усилие Хоссбаха останавливает русских в Восточной Пруссии.

11, 18, 20 и 23 ноября: запросы возвратить группу армий «Север». Все усилия выбить русских из Восточной Пруссии терпят неудачу.

26 и 28 ноября, 5 декабря: новые запросы отвести группу армий «Север». Ответ Гитлера: «Нет, это исключено, немецкий солдат не сдает и метра земли, нет, это исключено...»

И это не были единственные события, которые возвращали Гудериана даже в его снах назад в водоворот кризисов, опасностей и бедствий, составляющих часы его бодрствования. Были и другие события, еще более обширные, еще более хаотичные, настоящая драма, которая разворачивалась между Варшавой и Балканами...

5 августа 1944 г.: конференция с румынским премьер-министром Антонеску. Гудериан выступает в роли переводчика. Антонеску в стороне Гудериану: «Я просто не понимаю, как офицеры приняли участие в покушении на Гитлера. Вы можете быть уверены, что я могу доверять моим генералам вслепую!»

6 августа: генерал Фрисснер, командующий группой армий «Юг», посылает сообщение Гитлеру: «Внутренняя ситуация в Румынии неопределенная. Король, вероятно, генератор идеи выхода из войны. Они надеются, что западные державы не оставят Румынию коммунистам. Всему фронту группы армий «Юг», от Черного моря через Днестр до Карпат, угрожает готовящееся русское наступление. Фронт ослаблен потерей дивизий, переданных группе армий «Центр». Румынская 4-я армия и группа армий Димитреску – ненадежны. Фронт будет надежен, только если Румыния остается лояльной, если германские войска больше не передаются и если все рассеянные германские войска в Румынии – военно-воздушные силы, морские пехотинцы, войска окружных команд и полиция – размещены под контролем группы армий. Если эти условия не соблюдены, то неизбежно непосредственное отступление к западу от реки Прут».

7 августа: Гитлер: «Фронт остается там, где он есть!» *13 августа:* вместо того чтобы отвести группу армий «Север», Гитлер приказывает, чтобы все резервные дивизии и все, кроме одной танковой, дивизии группы армий «Юг» были переведены на север к Висле, Нареву и Восточной Пруссии.

20 августа: русские начинают крупномасштабное наступление на юге. Румыны бросают оружие, бегут или присоединяются к русским. Русские прорываются через немецкий фронт, достигают реки Прут.

22 августа: немецкая 6-я армия отрезана. Гитлер разрешил отступление группе армий «Юг». Слишком поздно. 6-я армия окружена. Части 8-й армии спасаются в предгорьях Восточных Карпат.

23 августа: германский посол фон Киллингер арестован в Бухаресте. Румынский премьер-министр Антонеску заключен в тюрьму. Король Михаил возглавляет движение, направленное на разрыв с Германией. Гитлер приказывает: клику предателя арестовать. Сформиро-

вать национальное правительство. Бомбить Бухарест! Слишком поздно. Румыния объявляет войну Германии. Советские армии маршируют через Румынию без сопротивления. Попытки, грабеж, аресты, насилие, высылка немцев, застигнутых русским продвижением, и также бесчисленных румын. Российские войска позади германского фронта на Балканах.

1 сентября: отступление. Серьезные опасения относительно того, что случится с немецким поселением в Трансильвании. Гитлер: «Я приказываю, чтобы немецкие подданные в Трансильвании организовали сопротивление!» Фактические события: русские вторгаются в Трансильванию. Все немцы, которые не убежали в последний момент, убиты или ограблены, вытеснены, высланы. Беженцы в фургонах двигаются через Венгрию в Австрию.

14 сентября: русские на границах Баната. Новые трагедии для немецких поселенцев. Гитлер: «Банат будет удержан!» Фактические события: русские достигают Темесвара, столицы Баната. Ужасный произвол. Массовое бегство немцев Баната на юг. Переправ через Дунай недостаточно для перевозки толп. Американские и британские самолеты бросают мины в реку, атакуют паромы. Вайсскирхен, в 70 километрах к югу от Темесвара, пал. Тысячи немцев – старики, женщины, дети – убиты.

Октябрь 1944 г.: русский прорыв в немецкое поселение в Сирмия. Партизаны Тито. Те, кто не избежал партизан, убиты, вытеснены или сотнями тысяч загнаны в лагерь.

15 октября: назначенный немцами губернатор Венгрии фон Хорват пробует добиться перемирия. Арестован немецкой тайной полицией.

27 октября: группа армий «А» отброшена к реке Тиссе.

Ноябрь 1944 г.: постоянные русские продвижения в Венгрии. Произвол против немцев, равно как и венгров. Русские готовят наступление, чтобы пересечь Дунай.

23 декабря: русские захватили Штульвайссенбург в 56 километрах к юго-западу от Будапешта.

24 декабря: Будапешт окружен...

Около девяти часов утра 9 января генерал Гудериан пробудился от внезапного толчка поезда. Он поднялся и пошел по проходам к вагону для совещаний. Его адъютант, Фрейтаг-Лорингховен, заключил по выражению лица Гудериана, что этот день увидит другое столкновение с Гитлером – и, вероятно, сильное.

Гудериан сел за стол и уставился в серое зимнее утро. Он думал о бесконечных снежных пустынях, которые он пересек три дня назад, 6 января, когда отправился встретиться с командующим группой армий «А». Эта группа армий была первой, почувствовавшей новое наступление русских.

Он склонился над картой. Немецкий фронт на востоке был, наконец, стабилизирован по линии, которая начиналась около города Тильзита в Восточной Пруссии. Затем эта линия следовала за восточнопрусской границей, прорезала территорию Восточной Пруссии около города Голдапа и убегала на юго-запад по реке Нарев вниз к ее слиянию с Вислой в Модлине. Южнее Модлина она следовала за левым берегом Вислы, охватывая большую часть Варшавы к западу от реки. Она изогнулась вокруг большого русского плацдарма в Пулаве и затем воссоединялась с рекой внизу в области Цволена, где она окружала другой русский плацдарм. За пределами Цволена она снова следовала за западным берегом Вислы до Баранова и здесь сходилась с наибольшим и самым опасным русским плацдармом. Затем эта линия пересекала Вислу и направлялась на юг до Кассы, приблизительно в 208 километрах к северо-востоку от Будапешта, где соединялась с группой армий «Юг».

В то время как в Латвии почти нетронутая группа армий бесцельно занимала маленький карман, 800 километров фронта от Тильзита вниз к Кассе были укомплектованы двумя немецкими армейскими группами, обе из которых прошли пекло русского летнего наступления.

Группа армий «Центр» между Тильзитом и Модлином должна была быть восстановлена, насколько еще позволяли немецкие ресурсы. Командующим группой был генерал Рейнхардт.

Его северный фланг удерживала 3-я танковая армия, которая больше не соответствовала своему названию, под командованием генерала Рауса, седовласого австрийца. Южнее располагалась 4-я армия под командованием генерала Хоссбаха. Она только оправилась от жестокой оборонительной операции октября. 4-я армия образовала опасную выпуклость перед группой армий «Центр». Юго-западнее Нарева располагалась слабая 2-я армия под командованием генерала Вейса.

Группа армий «А» удерживала линию от Модлина до Кассы. Командовал ею генерал Харпе, молодой мужчина, который провел долгие годы в боях на Восточном фронте. 9-я армия Харпе¹, составленная из нескольких неодинаково оснащенных дивизий, стояла вдоль Вислы к северу и югу от Варшавы. 4-я танковая армия под командованием генерала Грэзера прибыла с юга, обойдя большой русский плацдарм в Баранове. Затем следовала 17-я армия под командованием генерала Шульца, между Вислой и горами Бескиды. Наконец, прибыла 1-я танковая армия под командованием генерала Хенрици, которая оседлала горы Бескиды и соединялась с группой армий «Юг» рядом с Кассой.

В ноябре 1944 г. германская разведка донесла о сосредоточении четырех новых советских армейских групп. Группы армий Рокоссовского и Черняховского продвинулись к Восточной Пруссии. Группы армий Жукова и Конева появились на Висле к югу от Модлина. Главные силы двух южных групп сконцентрировались на плацдармах в Пулаве и в Баранове. Нападение из Баранова подвергло бы опасности немецкие области Силезии и Саксонии. Из Пулавы русские войска угрожали району Варты и за его пределами Берлину.

Информация, которую собрала германская разведка относительно огромной силы русских, сначала показалась не слишком правдоподобной даже Гудериану. Но она была так хорошо документирована, что не могла быть подвергнута сомнению.

Гудериан начал приготовления к грядущему штурму. Постепенно он отодвинул части от шатких линий фронта и восстановил их до танковых дивизий, с семьюдесятью – восьмьюдесятью танками в каждой, вновь достигнув по крайней мере одной трети их прежней силы. Он собрал четырнадцать резервных дивизий и возобновил свою постоянную, бесплодную борьбу с Гитлером за тридцать дивизий группы армий в Курляндии.

Но в сентябре 1944 г. Гитлер выдвинул дерзкую идею еще раз взять инициативу на Западном фронте. Он подготовился напасть на союзнические линии в Арденнах, которые были весьма экономно укомплектованы западными командующими, которые думали, что Германия слишком слаба для нападения. Гитлер же полагал, что сможет возратить Антверпен и нанести американцам удар, который задержал бы их наступление на многие месяцы. Генерал Йодль, этот странный человек, был достаточно проницательным, чтобы предвидеть грядущее бедствие, но он давно не смел противиться воле Гитлера и поддержал этот план. Таким образом, последние резервы откатились к Западному фронту, где они были сформированы в 5-ю танковую армию и 6-ю танковую армию СС. Но Гитлер обещал, что пошлет эти войска обратно на восток, как только будет одержана победа в Арденнах или когда станет ясно, что успеха там не достичь.

Наконец, Гудериан издал приказ, который привел в движение сотни тысяч человек. В Восточной Пруссии, Западной Пруссии, Померании, в «генерал-губернаторстве», в районе Варты и далее на юг – от Балтийского моря вниз в Силезию – немцы, поляки и военнопленные начали рыть западни для танков, сокращать траншеи и создавать пояс укреплений вокруг каждого города. Этот приказ бросил вызов команде Гитлера, запрещавшей строительство оборонительных сооружений позади линий, потому что это подрывало боевой дух войск. Но Гудериан подписался: «Адольф Гитлер – через Гудериана».

¹ В это время 9-й армией временно командовал генерал Смило фон Люттвиц. (Примеч. ред.)

Этот случай был единственным, когда он прибег к такой уловке. И вероятно, единственная причина, которой он руководствовался, заключалась в том, что Эрих Кох, окружной руководитель Восточной Пруссии, уже ожидал мер Гудериана, поскольку Кох развернул обширные земляные работы в своем районе сразу, как только русские начали летнее наступление 1944 г. И с тех пор в глазах Гитлера Кох был самым воплощением безжалостного желания сопротивляться, его действие проложило путь к грандиозной попытке Гудериана создать глубокую сеть полевых укреплений позади всего Восточного фронта.

Вскоре после того, как Гудериан начал готовить эти оборонительные сооружения, Гитлер решил повесить окружных руководителей на востоке – в Кенигсберге, Данциге, Позене, Штеттине и Бреслау – до «имперских комиссаров обороны». Этот шаг сделал их истинными владельцами восточной зоны. И они желали многого благодаря этой новой власти – особенно Кох.

Первые полевые укрепления были сооружены согласно прихоти Коха. Он отказался от требования генерала Рейнхардта, командующего группой армий «Центр», строить достаточно отдаленные позиции, потому что это было бы признаком «пораженчества». Он отказался удалить гражданское население, за исключением только лишь 8-километрового пояса непосредственно позади линий фронта, или предпринять подготовку к эвакуации на случай катастрофы, потому что «никакой истинный немец не позволит себе даже мысли, что Восточная Пруссия может попасть в русские руки». Вместо этого он обратился к гражданскому населению с просьбой вооружаться. Он называл себя «фюрером народной армии Восточной Пруссии». Он отказался поручить обучение его народной армии военным или поместить ее под военный контроль. И даже добился разрешения Гитлера сделать так, чтобы его собственные функционеры управляли армейским персоналом и выслеживали «трусов». В рамках своей компетенции имперского комиссара обороны он сталкивался с военной промышленностью Восточной Пруссии, создавал собственные арсеналы и хранил их в неприкосновенности от войск регулярной армии.

Несмотря на вмешательство окружных руководителей на востоке, укрепленные линии наконец пролегли от Восточной Пруссии вниз к границам Силезии. К концу августа Гудериан преуспел в том, что поднял сто батальонов с личным составом, ограниченно годным к службе, и обеспечил их двумя тысячами единиц полевого оружия из захваченных поставок, чтобы оборонять ключевые позиции.

Однако один-единственный приказ Гитлера лишил Гудериана всех его людей и большей части оружия. Они покатались на запад, когда фронт во Франции рухнул и осколки западных германских армий хлынули назад через германские границы. Все протесты Гудериана, все его предупреждения о восточной угрозе игнорировались.

Но даже тогда Гудериан не сдался. Он предложил Гитлеру в областях, над которыми нависла угроза, укомплектовать линии обороны местной милицией. Он не подозревал, что в уме Гитлера этот план соединялся с экспериментами Коха, пока, три дня спустя, Гитлер не объявил, что идея Гудериана относительно народной армии будет осуществлена не только на востоке, но и по всей Германии. А выполнение плана было отдано в руки Мартина Бормана, руководителя канцелярии нацистской партии.

Это было концом. Борман – глупая, примитивная, опасная тень Гитлера, неспособная к оценке политических или военных дел, непрерывно занятая распространением собственной власти и власти партии, – превратил народную армию в инструмент партийной пропаганды.

И теперь, в январе 1945 г., оборонительные линии на востоке, бесчисленные траншеи, западни для танков, щели для стрелков и оружия, над которыми трудились десятки и сотни тысяч человек, пустуют, засыпанные снегом.

16 декабря 1944 г. началось наступление Гитлера в Арденнах. К 22 декабря его провал стал очевидным. Гудериан пошел в штаб-квартиру фюрера рождественской ночью, чтобы

потребовать немедленно передислоцировать на восток дивизии, которые больше не были необходимы на западе.

Но ум Гитлера все еще был прикован к Антверпену. Он утверждал, что инициатива по-прежнему в его руках. Он категорически заявил, что информация Гудериана о силе русских была явным измышлением.

Гудериан возвратился в свой штаб с пустыми руками. В это время он получил известие, что Будапешт захвачен русскими. По прибытии он нашел другое ждущее его донесение: по приказу из штаб-квартиры фюрера танковый корпус Гилле, сохраненный в резерве позади фронта Вислы, послали в Венгрию, чтобы возвратить иностранную столицу. Это была завершающая ошибка: резервы, которые он так мучительно копил, передавались другому фронту.

Гудериан, сдерживая ярость и отчаяние, возвратился в штаб-квартиру фюрера в новогоднюю ночь. Но Гитлер, так же как и на Рождество, отрицал угрозу с востока. Он не хотел признать, что ненавидевший его противник – Сталин располагал такими огромными силами. Гитлер повторил свое частое утверждение, что все, что Сталин мог собрать, были «очищенные русские отбросы» и «отверженная шваль, собранная по пути». Он кричал, что Гелену со всеми его донесениями место в сумасшедшем доме. Гитлер не заметил возражения Гудериана, что ему, Гудериану, место, видимо, в том же сумасшедшем доме, так как он разделяет взгляды Гелена.

Еще раз Гудериан потребовал курляндскую дивизию. Он показал вычисления своих транспортных специалистов, доказывающих, что передача, включая тяжелое оборудование, была полностью возможна. Гитлер отказал.

Тогда Гудериан возобновил борьбу за силы, которые стали доступными на западе. Но Гитлер еще не верил в свой провал в Арденнах. Он заявил, что на востоке он все еще имел земли, чтобы их проиграть, – но не на западе. Никакие аргументы не помогали. Не было никаких запасов для востока.

После совещания, когда Гудериан, все еще дрожавший от ярости, завтракал, Гиммлер сказал ему:

– Вы действительно думаете, что русские будут атаковать? Это было бы самым большим блефом со времен Чингисхана!

Мысли генерала Гудериана были прерваны появлением генерала Гелена. Начальник разведки прибыл для заключительного доклада о готовящемся совещании у Гитлера.

Гелен начал:

– Я подготовил другое специальное донесение, основанное на последней информации, касающееся сил в секторе плацдарма в Баранове. Согласно моей информации, враг сосредоточил на фронте протяженностью восемьдесят километров пять армий пехоты, шесть танковых корпусов, два отдельных танковых корпуса и пять танковых бригад. В настоящее время соотношение сил складывается в пользу врага следующим образом: пехота – одиннадцать к одному; танки – семь к одному; артиллерия – двадцать к одному. В некоторых секторах артиллерия русских насчитывает триста восемьдесят орудий на километр. Мое свидетельство неопровержимо. Оно должно убедить даже фюрера: если чего-то не предпринять, мы получим катастрофу на плацдарме в Баранове.

Гудериан поднялся и зашагал по кабинету.

– Гелен, сегодня – наш последний шанс, – сказал он. – Если танковые дивизии с запада послать на восток не позже чем сегодня вечером, они смогут добраться туда вовремя... – Гудериан остановился. – Гелен, когда вы докладываете, держитесь спокойно, что бы ни случилось. Держитесь спокойно, даже если фюрер позволяет себе увлекаться и злоупотребляет Генеральным штабом или вами лично.

Гелен кивнул. Он разложил свои карты и бумаги на столе.

Гудериан продолжал:

– Резюме о пунктах, которые будут обсуждаться. Во-первых, немедленный отвод из Курляндии. Во-вторых, передача моторизованных войск с запада на восток, сегодня вечером. В-третьих, в случае отказа, по крайней мере отвод выступающего фронта 4-й армии в Восточной Пруссии, что даст нам несколько дивизий для резервов. В-четвертых, одобрение операции «Поездка на санях» для группы армий «А». Это означает: отвод нашего выступающего фронта между плацдармами в Пулаве и Баранове незадолго до нападения русских, что сэкономит четыре дивизии для резервов. Агрессивная оборона на плацдарме в Пулаве, задерживающая оборона от плацдарма в Баранове до границы Силезии...

Для обстоятельного исследования генерала Йодля в штаб-квартире фюрера была предоставлена вполне достаточная комната, рассчитанная приблизительно на двадцать человек, которые вечером 9 января встретились для совещания с Гитлером.

Высокая, тяжелая фигура фельдмаршала Кейтеля возвышалась над собранием. Сам Йодль был бледен, его лицо казалось подобием маски. Полный Геринг стоял между его щеголеватым офицером по связи, генералом Христианом, и военно-морским адъютантом фон Путткамером. Интеллигентное, умное лицо генерала Винтера, начальника штаба оперативной группы «Юг», приятно контрастировало с бледными чертами Генриха Гиммлера. У стола с картой стоял коренастый, кривоногий генерал Бургдорф, начальник управления кадров ОКХ, известный как «могильщик корпуса немецких офицеров».

Вошел Гитлер. Он ступал осторожно, как старик, приволакивающий левую ногу. Его левая рука дрожала, плечи повисли, голова поникла. Лицо было дряблым и бледным. Седые пряди проглядывали в темных волосах. Двубортный серый костюм с золотыми пуговицами бесформенно висел на нем.

Гитлер обменялся рукопожатиями с каждым. Он подошел к столу. Адъютант придвинул ему стул, и Гитлер тяжело на него опустился.

А затем раздался этот странный, шелестящий, потрескивающий звук, который в течение уже многих месяцев сопровождал эти совещания – раздражающий, парализующий фон, который напоминал слушателям, что воображаемый колосс распадался: звук, который издавала левая рука Гитлера, дрожащая на картах.

Но все еще было опасно судить о внутренних ресурсах Гитлера по их внешнему упадку. Его воображение, что и говорить, покинуло его. У него оставалась лишь странная жесткость – он казался неспособным думать, рассуждать или планировать, в отличие от дней пика его власти. Но за этой жесткостью все еще стояла маниакальная сила. Гитлер все еще обладал отчаянным желанием жить, своим жестоким неприятием суровых фактов и своей неблагоприятной верой в судьбу, которая, некогда подняв его столь высоко, теперь не позволит ему упасть.

Разум был бессилен против судьбы.

Гудериан с лицом, передававшим напряженность, расположился слева от Гитлера, чтобы сделать доклад. Это стало традицией, так как взрыв бомбы 20 июля разрушил правую барабанную перепонку Гитлера.

– Мой фюрер, – начал Гудериан, – я приехал еще раз, чтобы совещаться с вами лично. Мы имеем информацию, которая внушает уверенность, что русское зимнее наступление, нацеленное на Берлин, начнется через три дня, 12 января. Я хочу сообщить вам еще раз, как я сделал это 24 декабря и 31 декабря, о реальной ситуации на Восточном фронте. Я привел генерала Гелена, чтобы показать вам любой документ, который вы пожелаете увидеть. 6 января я лично посетил группу армий «А» в Кракове, чтобы получить информацию относительно ситуации в этом секторе. Это – последний момент для действий. Я надеюсь, что наш доклад побудит вас передать Восточному фронту подкрепление, которое там необходимо, – и вы сделаете это сегодня вечером.

В ранние утренние часы 10 января генерал Харпе, главнокомандующий группой армий «А», ехал на юг по шоссе Кельце к своему штабу в Кракове. Равнины с обеих сторон прямой,

без лесов дороги были покрыты снегом. Они бесконечно простирались во все направления – пустые, белые и плоские, без единого препятствия для русских бронетанковых войск.

Генерал возвращался из поездки на фронт, расположенный на плацдарме в Баранове. Он обсудил с генералом Грэзером посещение Гудерианом штаба группы армий «А». Они говорили об обещании Гудериана решительно потребовать подкреплений с запада или, в случае неудачи, одобрения операции «Поездка на санях», плана, разработанного Харпе и его помощником, генералом фон Ксиландером. Харпе слишком хорошо знал, что этот план в лучшем случае мог не больше чем воспрепятствовать русским вторгнуться в Силезию. Но по крайней мере, это была операция, которая давала немного надежды...

Пронизывающий ветер катился по равнинам. Генерал Харпе спрятал лицо в мехе воротника. Он был человеком, который все еще верил в судьбу Гитлера. Он даже все еще верил в разведку Гитлера и не обратил особого внимания на предупреждение Гудериана, что операция «Поездка на санях» интерпретируется Гитлером как выражение нехватки у Харпе боевого духа. Харпе надеялся – надеялся уверенно, – что в последний момент Гитлер поймет, насколько отчаянной была ситуация.

Автомобиль генерала вкатился в Краков и остановился перед зданием школы, где располагался его штаб. Генерал фон Ксиландер ждал на ступенях.

– Верховное командование армии только что прислало результаты совещания генерала Гудериана в штаб-квартире фюрера, – сказал фон Ксиландер. – Фюрер отказался от всего. От курляндских войск с запада, «Поездки на санях» – от всего. Фронт остается там, где он есть. И ситуация остается такой, какова она есть. Фюрер не верит, что будет русское наступление...

Глава 2

Увертюра на Висле

Ночью 12 января глубокую тишину над заснеженными пустыми просторами фронта в Баранове разорвал внезапный рев тяжелой советской артиллерии, взрывающей заграждения. Было около половины второго.

До шести часов утра многие тысячи российских снарядов градом осыпали немецкие линии. Они буквально распыляли позиции и людей. Между шестью и шестью тридцатью артиллерийский обстрел немного ослабел, чтобы только вновь вырасти до такого уровня, какого Вторая мировая война не знала прежде.

Затем русские пошли в атаку. Бесчисленные полковые колонны проникли в разрушенный немецкий фронт, не беспокоясь об опасности для флангов. Позади них катили советские танковые армии, одинаково равнодушные к тому, что происходило справа, слева или позади них. Они продолжали путь на запад. Рои пехотных дивизий следовали по их пятам, моторизованные любыми транспортными средствами, которые попадались под руку.

Прежде чем день закончился, 4-я немецкая танковая армия была рассеяна. Войска, которые пережили артобстрел, были охвачены русскими. В сумерках немецкие автоматы все еще можно было услышать здесь и там – но полевое оружие умолкло, контратаки прекратились. На передовых линиях командная цепь была разорвана на части. Все коммуникации с тылом были отрезаны. Едва ли кто-то знал, кем был его сосед. Оставшиеся в живых если не были захвачены, то предоставлены сами себе. Некоторые из них, по отдельности или маленькими группами, с небольшим количеством боеприпасов и без пищи, старались пробиться на запад через потоки русских.

Утром, которое увидело крах 4-й танковой армии, южный фланг группы армий Конева, между Карпатами и Вислой, начал наступление на немецкую 17-ю армию. Но Конев использовал меньшие силы. Хотя он проник в немецкий фронт в нескольких местах, немецкий командующий генерал Шульц поддерживал свои линии.

Когда первый день сражения приблизился к концу, генерал Харпе в штаб-квартире группы армий «А» в Кракове имел мало информации о ситуации в 17-й армии и вообще не обладал никакой последовательной информацией о 4-й танковой армии. Только в одном была уверенность: пробита огромная брешь, которая становилась больше с каждым часом, и через нее толпы русских танков и пехота устремились на запад. Русские танки опередили скудные немецкие резервы.

Той ночью Артур Грэзер, окружной руководитель, имперский губернатор и имперский комиссар обороны района Варты, устроил небольшую вечеринку на своей вилле в Мариензее. Этот дом находился около густого заснеженного леса приблизительно в 16 километрах от Позена, столицы района.

Вилла была построена специально для Грэзера. Его оппоненты считали безумием тратить впустую рабочую силу, время и материалы на это строительство, в то время как велась война. Но Грэзер был в состоянии процитировать от своего имени изречение Гитлера, что «национал-социалистическая империя даже во время войны должна демонстрировать свою культурную миссию на Востоке».

Огни сверкали за занавесками виллы в Мариензее. Науман, секретарь организации «Национальное просвещение и пропаганда», выступал в тот день в Позене, обращаясь к толпе из тысячи человек. Он говорил, находясь в неведении относительно русского наступления. И единственное оправдание, которое могло бы его извинить, было его неведение относительно того, что случилось в Баранове. Но неведение, как известно, – плохое оправдание.

Науман объявил немцам в Позене и целом районе Варты, что Восточный фронт не будет разрушен ни при каких обстоятельствах. Он повторил то, что официальная пропаганда распространяла от Тильзита до Катовице: Восточный фронт никогда не был более сильным, что немецкие отступления были не более чем маневрами, чтобы сохранить силу, и что существующий фронт настолько далеко, насколько русским будет когда-либо разрешено подойти. Науман говорил о совершенно новых армиях и о совершенно новом оружии и заявил, что абсолютно уверен в окончательной победе.

И теперь, несколько часов спустя, он сидел в Мариензее среди гостей, которых Грэзер пригласил в честь Наумана. От пылающего лица Наумана исходил оптимизм и заражал компанию – по крайней мере, такое создавалось впечатление. Больше всего он заражал Грэзера. Тот поднял свой стакан:

– Еще раз я пользуюсь возможностью, чтобы поблагодарить вас, господин секретарь, за то, что вы посетили район, несмотря на огромное бремя работы, лежащее на ваших плечах, в этот день, который засвидетельствовал начало решающего сражения. Никогда, ни на одно мгновение, мы не сомневались, что победа будет нашей. Никогда мы не сомневались, что волна большевизма остановится у границ района Варты, что здесь враг получит заключительный удар. Поэтому ни один человек не покинул район. Каждый из нас неустрашимо верил нашему фюреру и победе и нетерпеливо ждал решающего сражения. В случае необходимости мы готовы блокировать путь большевизму собственными телами, создать стену из человеческой плоти, которая спасет Германию и всю Европу от восточного варварства. Мы благодарим вас, господин секретарь, за то, что вы вновь заверили население района Варты в том, что, в соответствии с желанием фюрера, ни один метр этой земли не будет загрязнен большевистской толпой. Мы благодарим вас за то, что вы показали нам, как близки мы к заключительной победе.

Пал снег. Он покрывал обширные равнины района Варты, который, после раздела Польши между Россией и Германией в 1939 г., стал провинцией рейха. Окружной руководитель Грэзер вступил в должность в сентябре 1939 г. Новые границы были установлены вскоре после этого. Возник «район Варты». Хотя некоторые области в пределах этих новых границ были немецкими по культуре, район также включал обширные территории, которые были явно польскими. Вместе с областями Данциг – Западная Пруссия и следующим южным сектором Восточной Пруссии район стал лабораторией для расовых и этнических понятий, которые были неотъемлемой частью национал-социализма.

Грэзер был уроженцем этого сектора. Он родился и пошел в школу в прежней немецкой области Позен и стал наследником старых, глубоких антагонизмов. В Первой мировой войне он был пилотом морской авиации. Позже водил такси и управлял экскурсионной службой в Данциге.

Теперь, как окружной руководитель района Варты, он был правителем королевской области. Он был владельцем всех немцев и даже более того – владельцем всех поляков. Его задачей было обнаружение, какие поляки имели в своих венах немецкую кровь; он собирал списки, которые градуировали их согласно расовой смеси, и удалял «чистую» группу поляков так называемого «генерал-губернаторства» между германо-русской границей и районом Варты. Высланные поляки должны были быть заменены немцами, которые потеряли свои фермы в Балтийских странах, Галиции и Бессарабии, которые в 1939 г. стали частями Советского Союза. Позже должны были быть добавлены немцы из самого рейха, особенно заслуженные ветераны. Планы, составленные Гиммлером, Борманом и Грэзером, предусматривали, что останутся только те поляки, кому уготовано стать рабской рабочей силой.

Грэзер стал также имперским комиссаром и генералом СС, командуя каждой службой СС в своем районе. Власть, сконцентрированная в его руках, едва ли могла быть превышена. Он использовал ее – и не только для плохого. Он стимулировал сельское хозяйство, несмотря

на войну и тот факт, что большинство новых поселенцев были непривычны к новым условиям. Он построил образцовые фермы, шоссе и железные дороги.

Но он был не в состоянии увидеть, что строил на плывуне. Прежде, возможно, он испытывал сомнения. Но скоро осознание своей власти развратило его полностью. Его характер распался. Единый правитель в своем собственном королевстве, он забывал смотреть за пределы его границ. Всякий раз, когда планировались большие политические и военные дела, он цеплялся за рабское, беспечное доверие Гитлеру.

Грээр был глубоко потрясен приказом строить укрепления, поскольку этот приказ нес известие, что война приближалась к его области. Он повиновался приказу. Но когда осенью 1944 г. некоторые из его ведущих чиновников первыми предложили, чтобы он подготовил план для эвакуации района, Грээр обвинил их в безумии и предупредил, что никакой истинный немец не будет даже думать о такой возможности. Необходимы были месяцы и месяцы давления, прежде чем он согласился на подготовку секретного, чисто теоретического плана эвакуации. И отдал приказ, чтобы этот план, который предусматривал постепенную эвакуацию последовательно трех зон, не был обнародован ни при каких обстоятельствах.

Он запретил любому человеку, который оставлял район Варты, демонстрировать, что опасность, которая угрожала всем, существует. И его вера в Гитлера, в победу и в обещанное новое чудо-оружие была выкована в немцах этого района всеми средствами пропаганды и давления.

Танковые войска Конева катились на запад. Они оставили прорванный германский фронт далеко позади.

Теперь они приближались к реке Нида и железной дороге между Краковом и Варшавой. Они пересекли их 14 января и были теперь менее чем в 80 километрах от Кракова.

Прорыв в секторе 4-й танковой армии повлиял на смежные германские армии на севере и юге. Они должны были бросить свои резервы и даже части, торопливо забранные с линий фронта, на новые позиции, защищая фланг и тыл.

Новости о катастрофе достигли Гитлера в его штаб-квартире в Гессене. Но иллюзии о грядущих триумфах в Арденнах держали его на западе.

Даже теперь Гитлер не разрешил войскам группы армий генерала Харпе покидать их безнадежные позиции. Вместо этого он отдал общепринятый приказ: каждое подразделение будет бороться и умирать там, куда оно было поставлено. Вопреки протесту Гудериана он взял танковый корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии, где русское нападение было неизбежно, и переместил его в Лодзь. Он забрал две танковые дивизии из Венгрии и две с Западного фронта и послал их в Силезию, перекрикивая возражение Гудериана, что они, возможно, не смогут прибыть вовремя, чтобы закрыть зияющий фронт. Он внезапно обвинил Гудериана и Харпе в том, что они держат резервы слишком близко к линии фронта, хотя это было сделано в соответствии с его собственными приказами. Так же как предсказывал Гудериан, Гитлер теперь интерпретировал операцию Харпе «Поездка на санях» как предвзятый план уступить дорогу. Ясно, что дни Харпе были сочтены.

14 января другое русское наступление началось дальше на севере. Группа армий Жукова атаковала и к северу и к югу от Варшавы. Германский фронт, лишенный резервов, разрушился, как стекло. Войска Жукова пересекли лед Вислы. Его южный фланг, начинающийся с плацдарма в Пулаве, и его северные войска, продвигающиеся на запад между Варшавой и Модлином, замыкались на 9-й армии. В быстром двойном охвате эти две колонны продвинулись и вошли в Варшаву с севера и юга. Этот город не имел обороноспособности, которая могла оправдать его название «цитадель».

9-я армия была растерзана на клочки в течение нескольких дней. Теперь по широкой дуге Вислы от Кракова до Модлина не осталось непрерывного германского фронта.

Русские приблизились к Кракову вечером 16 января. Кельце и Радом лежали позади них. В Варшаве все еще оставались четыре немецких батальона, скомплектованные из пациентов, страдающих от болезней живота. Но ничего этого не было известно в штабе группы армий «А» – здесь коммуникации также были разрушены.

Таковы события, которые 16 января вынудили Гитлера наконец бросить свою штаб-квартиру на западе и переместиться в канцелярию в Берлине.

Гитлер достиг столицы в состоянии крайнего волнения. Он был в ярости от ударов, градом сыплющихся на него со всех сторон. Но так как фюрер не мог постичь реальных причин катастрофы, не признавая своих собственных ошибок, он стал обвинять других – «слабаков и предателей», фантомы которых часто посещали его после 20 июля. Генерал Харпе был уволен. Гитлер снова набросился на человека, который до последнего часа верил в него и единственная ошибка которого заключалась в том, что он не мог достигнуть невозможного. Генерала Шёрнера вызвали из Курляндии, чтобы он занял место Харпе. Ему было поручено любыми средствами установить порядок в группе армий «А», отбрасывая все слабые элементы, и оставлять русских.

Гудериан появился в канцелярии поздно вечером 16 января. Как раз перед отъездом из своего штаба в Цоссене он получил последний доклад о ситуации от полковника фон Бонина. Группа армий «А» утратила контакт с Варшавой – город был, вероятно, потерян. В своем докладе Гитлеру Гудериан говорил о мрачной ситуации повсюду, упоминая Варшаву только случайно.

Гитлер прервал его.

– Это просто неслыханно! – вскричал он. – Варшава – цитадель. Варшава имеет командующего цитаделью с приказами удерживать город до последнего дыхания. Я хочу получить полный доклад немедленно.

По случайному совпадению в тот самый момент полковник фон Бонин делал доклад по телефону, связавшись со штаб-квартирой фюрера. Армия только что получила радиосообщение от командующего цитаделью в Варшаве, в котором тот заявлял, что он все еще в городе, но вынужден будет оставить его в течение ночи. Это подлило масло в огонь недоверия Гитлера. Сначала он приказал незамедлительно отправить радиосообщение в Варшаву, что город должен быть удержан любой ценой. Затем, бледный от ярости, фюрер потребовал объяснения того, как прошло более раннее сообщение о падении Варшавы. Ему сказали, что полковник фон Христен, офицер по операциям в штабе Гудериана, получил это сообщение из Кракова и передал его полковнику фон дер Кнезебеку, руководителю операций, который, в свою очередь, передал его фон Бонину. Гитлер, еще более взволнованный столь многими именами аристократов, приказал незамедлительно арестовать этих офицеров.

В то время как на Висле армии погибали, Гудериан вел часовое, бесплодное сражение с Гитлером за трех офицеров, которые только передали сообщение.

На следующий день Гудериана подвергли перекрестному допросу. После опроса он возвратился к Гитлеру, чтобы потребовать отпустить его офицеров и предложить свою отставку, – но напрасно. После другого длинного и яростного столкновения Гитлер смотрел на него красными глазами под дергающимися веками и, едва скрывая свою ненависть, сказал:

– Прекратите требовать. Это не вы, я хочу покарать. Это не отдельные офицеры, которых я хочу покарать. Я хочу покарать Генеральный штаб. Клику Генерального штаба, которая подготовила заговор 20 июля, они должны быть уничтожены!

Тем временем немцы в «генерал-губернаторстве» и в районе Варты тонули в наводнении вторгшихся русских армий.

Группа армий «А» оставалась без командующего в течение почти трех дней. Генерал Шёрнер, которого вызвали из Курляндии, не прибыл в Силезию до 20 января. Но когда все же прибыл, оказалось, что командовать в общем-то нечем. Никто не знал, где мог бы находиться

штаб 4-й танковой армии – он где-то пробивал себе путь на запад, измотанный русскими танками. Штаб 9-й армии был недостижим. Да и штаб самой группы армий преследовал враг. 17 января в Ченстохове он едва избежал атаки русских танков.

Русские танки, сопровождаемые моторизованной пехотой, продвинулись вперед, не встретив никаких препятствий. Все, что стояло на их пути, расстреливалось или втоптывалось в землю. Если они сталкивались с сильным сопротивлением, то отступали, обходили препятствие и катились на запад. К 20 января Краков, Лодзь, Влоклавек и Ченстохова были в руках русских.

Тактика Конева, однако, не всегда была успешной. Германские XXIV и XL танковые корпуса из-за их положения не были в состоянии начать контратаку. Но и при этом они не могли быть втоптаны или разбиты. Они боролись. Точно острова, они стояли выше волн русского наводнения, которое разбивалось о них. Ведя бои по всем направлениям, они скоро стали точкой опоры для многих уцелевших частей пехотных дивизий, оттесняемых мощным валом, поскольку русские далеко превосходили их численностью. Их конец был предreshен. Из-за пехоты, которая была теперь с ними, они больше не могли положиться на свою подвижность и скорость.

Генерал Неринг, командир XXIV танкового корпуса, принял командование остатками XLII пехотного корпуса, командир которого погиб в сражении. 15 января Неринг получил приказ прорваться в направлении Глогау в Силезии. Ведя бои с русскими танками, пехотой и военно-воздушными силами, прибывающими со всех сторон, он начал свой марш к германской границе, расположенной в 300 километрах на запад. Много гражданских беженцев присоединилось к нему.

В течение тех дней похолодало, ветер усилился, и дороги обледенели. Большая часть пехоты теперь не была пригодна для сражения. И вдруг посреди хаоса, с севера, прибыла помощь.

14 января Гитлер приказал, чтобы армейский корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии присоединился к группе армий «А». Само собой разумеется, корпус прибыл слишком поздно. Когда он выгружался из поезда в Лодзи, город был уже под огнем тяжелой русской артиллерии. Войска вступили в сражение с врагом почти немедленно после выгрузки из поездов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.